

Г.С. Чернова (Могилев)

**А. С. ХОМЯКОВ О ЗАДАЧАХ
«РУССКОЙ ШКОЛЫ» В ЛИТЕРАТУРЕ**

А.С. Хомяков в среде славянофилов считался авторитетом, мнением которого дорожили и к словам которого особенно прислушивались. Но он был не только идеологом их общественно-политического учения. Человек разносторонне одаренный и образованный, Хомяков явился одним из создателей славянофильской эстетики. Ее основные принципы он излагал в устных докладах, статьях, письмах к друзьям. Определяя задачи «русской школы» в литературе, Хомяков выступал за народность искусства, ориентируя его на национальные духовные ценности. И сегодня, когда вновь остро встал вопрос о сохранении самобытных основ нашей культуры, его эстетические и литературно-критические суждения приобретают особую актуальность.

В утверждении «народности содержания» литературы Хомяков не был оригинальным. Сама идея народности прочно укоренилась в сознании лучших представителей образованной части русского общества в первые десятилетия XIX в. Философия истории Ф.В. Шеллинга, согласно которой каждый народ должен развивать те начала своей жизни, которые сообщают ему особый характер, отличия от других народов, национальность, служила теоретической основой в борьбе за самобытность литературы как в «стане» славянофилов, так и в «стане» западников. Однако эти общие положения они наполняли различным идеологическим и эстетическим смыслом.

Хомяков понимал народность искусства как отражение в художественном произведении глубинных основ народной жизни и национальных идеалов. В статье «Мнение иностранцев о России» (1845) он подчеркивал: «Принадлежать народу – значит с полною и разумною волею сознавать нравственный и духовный закон, проявляющийся <...> в его историческом развитии. Неуважение к этому закону унижает неизбежно народ в глазах других народов» [1, с. 88]. Хомяков, таким образом, придавал понятию народности прежде всего этический смысл, а «народное содержание» он ассоциировал с отражением в литературе духовных и нравственных ценностей, которые для «истинно русского» человека определяются «верой отцов». Другими словами, православной религией русских Хомяков обуславливал самобытность их национальной культуры, выражающейся в истории, государственном устройстве, в семейных отношениях, обрядах. Однако эти ценности, считал он, «мало значат в мнении чистых приверженцев Запада» [1, с. 144]. Отсюда исходит их недооценка тех произведений, которые выразили народные представления о добре и зле. В статье «Мнение русских об иностранцах» Хомяков назвал «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина подлинно народным произведением, поскольку в оценках событий, которые дает «последний летописец», «видна Россия». «<...> В нем самом, в живом и красноречивом рассказчике <...> пламенно бьется русское сердце, кипит русская кровь и чувство русской духовной силы, и силы вещественной, которое в народах есть следствие силы духовной» [1, с. 112]. Защищая Карамзина от нападок западников, автор статьи оспаривает попытки М.П. Погодина «реабилитировать» Бориса Годунова, показанного историком убийцей законного наследника русского престола малолетнего царевича Димитрия. Полемизирует Хомяков и с В.Г. Белинским, который в статье 10 из цикла «Сочинения Александра Пушкина» упрекал поэта за то, что «он не сумел избежать тех огромных недостатков и в историческом и в эстетическом плане, которыми наполнена его драма». Причину этих «недостатков» критик усматривал в том, что «Пушкин рабски во всем последовал Карамзину, – и из его драмы вышло что-то похожее на мелодраму, а Годунов его вышел мелодраматическим злодеем, которого мучит совесть и который в своем злодействе нашел себе кару. Мысль нравственная и почтенная, но уже до того избитая, что таланту ничего нельзя из нее сделать» [2. Т. 6, с. 430].

Критик «Отечественных записок», подчеркивает Хомяков не учел, что и историк, и поэт, изображая Годунова, отразили «мнение народное». «Отношение народа к царю Борису происходило от чисто нравственных начал, понятных только в нашей истории и совершенно чуждых западному миру», – заключает он [1, с. 123]. Следует однако, отметить, что, относясь с огромным уважением к Пушкину, Хомяков в то же время считал, что поэт недостаточно проник в глубинные основы народной жизни и

не смог поэтому выразить «православное мировоззрение». В «последних его творениях» идеолог славянофильства усматривал «чувство оторванности» от национальной почвы и в то же время «неясную надежду на ту великую Русь, от которой он чувствовал себя оторванным» [1, с. 146]. Следует, однако, отметить, что не все славянофилы разделяли мнение о Пушкине, высказанное Хомяковым. Его друг и единомышленник И.В. Киреевский, например, считал Пушкина первым подлинно народным поэтом-философом, выразившим «наши умственные и религиозные устремления» [3, с. 93]. По сути, и Хомяков, и Белинский рассуждали о Пушкине, исходя из своих этических и эстетических позиций: Хомяков – славянофильских, Белинский – демократических. Отсюда и недооценка обоими критиками народности творчества поэта, которое не укладывалось в их идеологические установки.

Создателем самобытных, оригинальных и в то же время глубоко народных произведений Хомяков считал Н.В. Гоголя. «В наш век явился художник гениальный, который и чувства, и мысль, и форму берет только из глубины своей души, из сокровища современной жизни; и в его творении все дышит, все движется так живо, так самобытно, как в самой природе», – писал он в статье «Письмо в Петербург о выставке» (1843) [1, с. 65]. Как и Белинский, он признавал Гоголя главой нового направления в литературе. Белинский называл это направление «отрицательным», Хомяков – «обличительным».

И Белинский, и Хомяков аттестовали Гоголя писателем народным и следовательно, «поэтом в духе времени». Но автор статьи «Похождения Чичикова или Мертвые души» усматривал правдивость и народность творчества Гоголя, т. е. «истину жизни и народный взгляд на вещи» в «социальном, общественном, историческом» содержании его произведений [2. Т. 5, с. 49].

Как и западники, славянофилы ставили вопрос о гражданском служении литературы. «Общественный интерес – вот что должно быть задачей литературных произведений!» – восклицал К.С. Аксаков. «Обличение есть священный долг для литературы», – добавлял Хомяков [1, с. 305]. Обличение, но не мелочное критиканство, ставшее столь характерным для «подражателей Гоголя». «Пусть писатели поймут <...> что обличительный намек есть низость, потому что он не допускает оправданий, и что словесный меч правды не должен быть никогда обращен в кинжал клеветы», – предупреждал он [1, с. 307]. Еще в 1846 г., в статье «Мнение русских об иностранцах» Хомяков указал на то, что отличало творчество писателя от его последователей из «натуральной школы». Он подчеркивал, что Гоголь обличал не только общественные, но и нравственные пороки и изображал не социальные, а национальные типы. В данном случае нельзя не согласиться с Хомяковым, отметившим односторонность оценок Белинского персонажей поэмы Гоголя «Мертвые души». Но едва ли можно признать справедливость утверждения, что предметом обличения у Гоголя «было особенное отношение особенных лиц к народной жизни и просвещенному обществу». Хомяков приписывал Гоголю свои славянофильские идеалы, исходя из которых автор «Мертвых душ», якобы, оценивал изображаемое. Однако он выразил важную мысль, что установка литературы только на «отрицание» приводит к утрате «поэзии». Ибо «поэзия», по убеждению критика невозможна без чувства художником «положительных начал», основы которых заложены в народной этике. Позже эту мысль разовьет Ф.М. Достоевский в 1869 г., заметивший в одном из писем И.А. Гончарову, что «нельзя оставлять читателя при одной только грязи текущего» [4. Т. 28, с. 281].

Отрицая «натуральную школу» как результат западного влияния, Хомяков считал необходимым создать в литературе «русскую школу». Но задача представлялась ему невыполнимой до тех пор, пока «жизненное начало утрачено нами из-за привитого ложного полужнания» [1, с. 150]. В статье «О возможности русской художественной школы. (1847)» он поставил вопрос о создании теоретической базы русского искусства. Много раз и по разным поводам Хомяков возвращался к оценкам немецкой философии и приходил к выводу, что «рассудочность», «рационализм» завели ее в тупик. У русского искусства «<...> есть возможность более полной и глубокой философии, которой корни лежат в познании полной и чистой веры – православия» [1, с. 112]. Ибо только «отеческая философия», созданная на основе «умственных сокровищ своей страны», способна осмыслить идейные и «отеческие устремления нации», отражение которых и есть важнейшая задача литературы, – заключал автор статьи.

Утверждение в русской эстетической мысли 1840-х гг. принципа народности литературы обусловило появление в литературе многочисленных рассказов и «физиологических» очерков из кре-

стьянской жизни. Писатели старались воспроизвести крестьянский быт как можно ближе к действительности. В уста героев они вкладывали своеобразную народную речь, поговорки, пословицы и вводили в описание различные этнографические подробности. Как заметил Н.Л. Бродский, «<...> наша литература на первых порах неумело воссоздавала быт и нравы крестьянства. Кудреватые мужики Давыда, пересыпающие речь разными остротами и прибаутками, или глуповатые типы Соллогуба, конечно, не могли служить верным снимком народной жизни» [5, с. 132]. В лагере славянофилов, где преклонение перед народом носило характер культа, всякая фальшь особо подмечалась. Они предупреждали «литераторов-натуралистов», что увлечение этнографичностью, внешними приметам простонародного быта не гарантирует им создания подлинно народных произведений. «Подметив какую-нибудь своеобразную черту внешней стороны, они воображают, что изображают подлинного мужика, его душу и нравственный облик», – иронизировал К. С. Аксаков. Хомяков подобные «литературные упражнения» называл «актерством неискренней любви к народу» и «актерством народности». Поэтому он советовал деятелям искусства изучать фольклор. Русские былины, сказки, песни, считал Хомяков, представляют собой образцы народности содержания и формы. Сам он содействовал публикациям вновь найденных фольклорных произведений, комментировал и пропагандировал их. «В Предисловии к «Русским народным песням» (1845), Хомяков приветствовал их издание, подготовленное П.В. Киреевским. Автор Предисловия, например, отмечал «живость языка», «бойкость оборотов» и «блистательную легкость рассказа» «Сказки о Васке Казимировиче». А в образе Добрыни Никитича он увидел русский национальный характер, в котором соединялись разгульность, беззаботность и «мягкость и человеколюбие». «Разбойничью песню» Хомяков приводит в качестве примера «истинной поэзии», усмотрев в ней выражение «положительных начал». «<...> Песня, замечательная по живописности языка, заслуживает внимания в том отношении, что показывает, как чувство веры часто еще сохранялось в разгаре самых злых страстей. Черта важная, хотя принадлежащая не одной России; черта в одно время утешительная, ибо указывает на возможность исправления и покаяния» [1, с. 244].

Хомяков не мог согласиться с Белинским, который в цикле статей-рецензий «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» иронически-пренебрежительно анализировал образы героев русских былин и недооценивал идеологическое и художественное значение народного эпоса. «<...> Не ищите тут мифов с общечеловеческим содержанием, не ищите художественных красот поэзии <...> есть мысль, только частная, а не общая, народу, а не человечеству принадлежащая», – писал критик «Отечественных записок» [2, Т. 4, с. 193]. А подвиги, быт и даже любовь фольклорных персонажей в трактовке Белинского лишь подтверждали его мысль о том, что в истории допетровской Руси не следует искать образцы гражданственности, человечности и духовности [2, Т. 4, с. 162].

Серьезным аргументом в защите народной поэзии от «презрительных» выпадов против нее западников Хомякову служили результаты научных исследований 1840-х гг. в области фольклористики и этнографии. Они доказывали, что и в середине XIX в. старинные предания, песни и сказки оставались неотъемлемой принадлежностью живой жизни и повседневного быта простого народа. Хомяков называл их «памятниками не отжившего мира, <...> а историческим проявлением стихий, которые еще живут и движутся по всей нашей великой родине» [1, с. 241]. В отличие от Белинского, который признавал лишь конкретно-историческое значение фольклорных произведений, критик-славянофил усматривал в их содержании и форме доказательство сохранения русскими людьми «своего языка» и представлений о «законах своих» и «судьях своих». Поэтому народная поэзия представлялась Хомякову вневременным нравственным и художественным ориентиром, на который должна равняться «русская школа» в литературе.

Литература

1. Хомяков А.С. О старом и новом. Статьи и очерки. – М., Современник, 1988.
2. Белинский В.Г. Собр. соч. в 9 т. – М., Художественная литература. 1976-1982.
3. Киреевский И.В. Отклик на «Бориса Годунова» // Полн. собр. соч. В 2 т. – Т. 1. Р. 2. – М., 1861.
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л., Наука. 1972-1989.
5. Бродский Н.Л. Эстетика славянофилов // Ранние славянофилы. – М., 1897.